

Д.В. ТРУБИЦЫН

РОССИЯ «ДОГОВОРНАЯ» И РОССИЯ «ХОЛОПСКАЯ»: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

ТРУБИЦЫН Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор Забайкальского государственного университета, Чита, Россия (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Аннотация. Затрагивая ряд проблем междисциплинарного исследования, автор предпринимает попытку социологической интерпретации идеи известного историка А. Янова о наличии в российском обществе традиций – договорной и патерналистской (холопской). Автор соглашается с тем, что обе традиции существуют параллельно и, легитимируя две противоположные системы отношений, являются имманентным основанием циклических колебаний общества между «западом» и «востоком». Обе порождены амбивалентностью социальных статусов крупных землевладельцев – князей и бояр, одновременно партнеров в отношениях между собой и господ над зависимыми людьми в своих вотчинах. По существу речь идет о двух социальных практиках, порожденных двумя противоположными социальными структурами. Однако анализ этих структур в начале каждого из трех циклов позволяет возразить: победа патерналистской традиции была связана всякий раз не с утратой европейской идентичности (Янов), а с преобладанием в социально-экономической сфере системы вертикальных субъект-объектных властных отношений над отношениями горизонтальными субъект-субъектными. Тем не менее концепция чрезвычайно полезна для объяснения механизма порождения циклов российской истории и причины срыва модернизации. Эта причина – недостаточное развитие и небольшое влияние главного ее агента – «третьего сословия» или современного предпринимательского класса.

Ключевые слова: договорная и холопская традиции • социальные структуры • модернизация • циклы истории

DOI: 10.31857/S013216250005485-6

Важная задача обществознания – теоретическое и методологическое обеспечение междисциплинарных исследований, на долю которых в современной науке приходится не менее половины успешных изысканий. В рамках проблемы долговременных социальных трансформаций актуальным является синтез исторической науки и социологии, точнее – поиск возможностей выражения и применения имеющихся исторических концепций для анализа современных проблем развития общества. Осуществление таких междисциплинарных синтезов действительно проблема, причем не только методологическая, но и институциональная.

I

Казалось бы, для социологизации конкретной исторической концепции/идеи, как и для обратной процедуры, – использования теоретических положений социологии в объяснении исторических явлений, есть все основания. Главное из них – общественные законы как устойчивые повторяющиеся связи между социальными явлениями. Это означает: все, что бы существенного ни происходило с обществом, обязательно должно иметь социологическое проявление и может быть выражено в понятиях социологии. Это означает также, что эти две общественные науки давно должны были сблизиться и породить методологический синтез. И породили. Но не у нас. Здесь проблемы методологии переходят в проблемы институтов. Строгая дифференцированность научного пространства в России, именно институциональная дифференцированность, – жесткая привязка научных изданий, аспирантур, докторантур, диссертационных советов к специальностям –

не всегда оборачивается положительным эффектом. Если действительно в эпоху постклассики большая часть успешных исследований проводится в междисциплинарной области, то мы сами закрываем себе дорогу к этой части. Складывается парадоксальная ситуация: все понимают, что конкретно-историческая действительность не может быть реализована вне законов, изучаемых социологией, но тем не менее попытки использовать социологию в истории, а историю в социологии в лучшем случае воспринимаются как «экзотика», а чаще пресекаются как «выход за пределы специальности».

Особенно это касается истории, институционализировавшейся в России как исключительно эмпирическая наука. Из двух вариантов развития, порожденных на рубеже XIX–XX вв. «спором о методе» (Methodenstreit), – между историей как «наукой о духе» и историей как «наукой о природе» (В. Дильтей), идиографическим и номотетическим пониманием истории (В. Виндельбанд), индивидуализирующим и генерализирующим подходом (Г. Риккерт) – у нас утвердилось первое, предполагающее изучение исторического события как уникального неповторимого явления. Это означало жесткое неприятие и широких исторических сопоставлений, и сослагательного наклонения, а значит и мыслительного эксперимента, и поиска общих, «сквозных» для мировой истории и универсальных для всех цивилизаций, факторов и механизмов. Закрыло это дорогу и к циклическим концепциям истории. Такой же подход, надо сказать, сформировался и на Западе. Но если там он не остался одинок и влияние позитивизма дополнило идиографию номотетикой, что и выразилось в появлении исторической макросоциологии и теоретической истории, то в России, несмотря на длительное господство марксизма, провозглашавшего целью исторической науки именно поиск закономерностей общественного развития, *этого не произошло*.

Сложившаяся ситуация привычна и удобна историкам, и, по всей видимости, со стороны данного кластера научного сообщества в обозримом будущем пересматриваться не будет. Жесткая привязка к источнику, чрезвычайно узкая специализация здесь – основа сохранения строгих научных принципов и престижа («только мы, имеющие дело с источниками, – настоящие историки, остальные занимаются непонятно чем»). Но мало кого волнует, что плата за это – почти полное отсутствие теоретизирования. Поэтому большие надежды возлагаются на социологию – менее косную и традиционалистскую, способную, на наш взгляд, к преодолению излишне жестких междисциплинарных границ и не чуждающаяся никаких, даже самых широких, сравнений и теоретизирования.

II

В данной работе мы хотели бы привлечь внимание социологии к концепции¹ известного отечественного историка А. Янова, к его теории самодержавной революции Ивана Грозного. А точнее – к ее составной части – идее о наличии в древнерусском обществе двух традиций – «договорной» и «холопской» [Янов, 2007а]. Напомним основные ее положения.

Вторую половину XV – первую половину XVI в. Янов называет «европейским столетием России», убедительно доказывая, что уже с киевского периода, несмотря на влияние монголов и других кочевников, российское общество двигалось по европейскому пути. Это касается и экономического уклада, в котором все больший вес приобретали ремесло и торговля, и системы социальных отношений, где доминировали договорные принципы, и политической трансформации, вершиной которой стала ограниченная монархия (ст. 98 Судебника 1550 г., констатирующая совместное принятие решений царем и Боярской думой). Разумеется, все эти положения, жестко возражающие мейнстриму отечественной и зарубежной историографии русского средневековья, вызывают критику. Но приводимые аргументы настолько серьезны, что отбросить эту концепцию только потому, что она сильно

¹ В чем-то близкой взглядам ряда отечественных исследователей – А. Ахиезер, Л. Бородкин, О. Бессонова, С. Кирдина и др.

противоречит утвердившимся взглядам на историю русского общества как на детерминированный Ордой процесс, не представляется возможным.

Главное направление критики общепринятых взглядов – тезис об изначальной «азиатской» сущности русской государственности, порожденной влиянием Золотой орды и Востока в целом. Нет, считает Янов, как не сбило с европейского пути Испанию четырехсотлетнее господство арабов на Пиренейском полуострове, так и влияние монголов и других восточных соседей России не могло быть и не было столь сильным, чтобы более чем на семьсот лет предопределить в ней деспотический характер отношений. Россия была органичной частью Европы, развивалась по европейскому пути, и вершиной этого развития стало то самое «европейское столетие». Однако в середине XVI в. произошла катастрофа. В результате совпадения ряда внутри- и внешнеполитических факторов сложились условия для «самодержавной революции» Ивана Грозного – радикального поворота в сторону формирования социально-политической системы незападного типа. Царь под воздействием собственных пороков и победивших в борьбе за влияние в русской православной церкви иосифлян был развращен идеей «першего царствования» и с опорой на дворян совершил самодержавную революцию, чем, по сути, и является одно из самых одиозных событий русской истории – oprичнина. Именно этим объясняются многие последующие перипетии русской истории, включая упадок «Московии», когда «Россия XVII в. оказалась более отсталой от Запада, чем была в начале XVI» [Янов, 2007б: 160].

Грозный был первым, кто свернул с европейского пути, что в последующем происходило еще дважды – при Николае I и Сталине. В начале XXI в. страна стоит на таком же пороге. И здесь важно отметить, что Янов выходит за пределы эмпирической истории, когда ставит вопрос о причинной периодически повторяющихся циклов русской истории. Его интересует этот «роковой механизм, что работает на протяжении столетий и в арабских странах – внезапная остановка модернизации, приводящая к отчуждению от современного мира и конфронтации с ним» [Янов, 2007б: 199].

Таким образом, есть еще одно важное основание для социологической интерпретации этой идеи – неоднократная, действующая по сей день повторяемость. Если процесс происходит более чем один раз, это уже не случайность как результат случайного же стечения обстоятельств, а закономерность, причем социологическая – действующая в разных культурно-исторических системах. Следовательно, в дело вступает номотетика.

В чем же состоит механизм порождения циклов и откуда берется энергия, направляющая Россию то на западный путь, то на восточный? Отнюдь не извне. Это объясняется наличием в российском обществе двух противоположных традиций – договорной и холопской. И та, и другая порождены, разумеется, не положением России между Востоком и Западом (это объяснение особенностей русской истории и культуры не может быть удовлетворительным в начале XXI в. – уж очень оно абстрактно). Они порождены амбивалентностью социального положения князей и бояр, которые являлись одновременно воинами-партнерами, вступавшими в договорные отношения друг с другом, и свободными крестьянами, и господами-вотчинниками, безраздельно властвовавшими над зависимыми людьми – челядью, дворней.

Данная мысль, которую можно назвать одним из наиболее важных открытий в современной историографии русской истории, возникла не на пустом месте. Вплотную к ней подошел В.О. Ключевский, которого А. Янов считает учителем. В трудах Василия Осиповича четко обозначен следующий факт: изначально на Руси имели место и доминировали именно договорные отношения, что выражалось и в свободном крестьянском переходе («Юрьев день» поздняя форма), и в дворянском («...а бояром и слугам межи нас вольным воля»). «Как служилый человек был вольно-наемным слугой князя, так черный человек был тяглым съемщиком его земли» [Ключевский, 1987а: 356, 359]. Однако последующая трансформация придала социальным отношениям иную форму – форму отношения между холопами и их владыкой. Произошла смена характера служебных отношений с добровольного на принудительный, с договорного – на подданнический.

Далее Ключевский и Янов расходятся. Если первый продолжал рассуждать в «азиатско-монгольской» логике и считал, что именно характер формирующейся государственности придал социальным отношениям новую форму, то второй, отрицая такое влияние Орды, говорит, что сначала русское государство формировалось как западное, а изменения произошли только при Иване IV. В данном контексте эти разногласия несущественны.

III

Итак, две параллельные традиции российского общества противостоят друг другу, борются как два взаимоисключающих способа существования. На языке социологии перед нами две социальные практики, осуществляемые в условиях конкретных социальных связей. И две структуры – горизонтальная (договор заключается между относительно равными субъектами) и вертикальная (отношения господства и подчинения между субъектом власти и объектом власти). И если эта мысль верна, они должны обнаруживаться на протяжении всей русской истории, включая современный момент.

Разумеется, открытием это является только для историографии русской истории. Генерализирующим общественным наукам – социологии, политологии, социальной философии – давно известно, что традиционные аграрные общества структурируются преимущественно вертикально, современные индустриальные – горизонтально. И, как видим, данная типология отношений имеет огромное значение для проблемы модернизации. Но все же есть основания считать ее открытием: в рамках проблемы модернизации России оно состоит в том, что эти две традиции изначально находились внутри российского общества. Это обязывает в первую очередь к анализу социальных структур, а не к объяснению динамики внешним влиянием, будь то западное или восточное. Здесь как раз и востребован потенциал социологии, проблема лишь в междисциплинарности такого анализа.

В методологическом плане, находясь в пограничье истории и социологии, важно акцентировать внимание на длительности существования исследуемого объекта. Если обычный социолог имеет дело с сиюминутной ситуацией, зафиксированной в тех или иных эмпирических данных, и под динамикой понимает быструю смену паттернов (каковой она и является в современном обществе), то в исторической социологии ключевым является именно факт длительности. Чрезвычайно важно понять, что поддерживает паттерны в социуме в течение времени, измеряемого столетиями. В противном случае возможен уход от социологии как точной эмпирической науки и впадение в метафизическую, по сути, историю цивилизаций, когда тот же объект – общество – фактически отождествляется с личностью, изначально обладающей некими индивидуальными качествами, выраженными в культуре и менталитете. И все события его истории представляются как поведенческие акты личности с заранее заданными свойствами.

Чем не устроит современного исследователя такая история? Прежде всего, когнитивным потенциалом. Вспомним сюжет романа Жюль Верна «Пятнадцатилетний капитан». Из-за действий злоумышленника герой незаметно для себя попадает из Тихого океана в Атлантический, обогнув Америку с юга. Глядя на карту большого масштаба, может показаться, что это невозможно – американский континент велик и почти полностью перекрывает путь с запада на восток. Но такая карта фиксирует значительные пространства в одной точке. Она претендует на показ общей картины, но упускает сотни морских миль, которые могут стать решающими при продвижении корабля к цели. По сути, речь идет здесь о проблеме соединения макро- и микроуровней социальной динамики. Подобная крупномасштабная карта общественности – история цивилизаций, а работа социолога в историческом исследовании – работа штурмана, прокладывающего курс корабля через океан.

Не разделяя положений ни эссенциализма, ни культурного детерминизма, мы не считаем ментальные и культурные свойства социальных систем врожденными и неизменными. Они возникают и формируются в системе социальных структур в конкретных социальных условиях. И в них же, в зависимости от них, способны меняться. Так вот: фактически

обнаруженные Ключевским и Яновым горизонтальные договорные и вертикальные властные структуры русского общества требуют, а значит, и порождают в длительной исторической практике до противоположности различные качества акторов. Если первые воспроизводят из поколения в поколение и делают положительными ценностями ответственность и инициативу, вторые – покорность, пассивность, угодничество. Поэтому механизм воспроизводства холопской традиции есть не что иное, как механизм контрмодернизации, периодически включающийся и блокирующий развитие страны по линейной траектории. А механизм воспроизводства договорной традиции генерирует агентов модернизации, являющихся адресатом прогрессивных реформ. Вот откуда – из социальных структур и практик – берется то, что как врожденное и неотъемлемое свойство общества предлагается в истории цивилизаций.

Может показаться, что такая картина является упрощением, и, так же, как критикуемая здесь история цивилизаций, не представляет собой чего-либо более сложного. Опять перед нами примитивная дихотомия «прогрессивных» и «реакционных» социальных сил. Но, во-первых, в рамках проблемы долговременных исторических трансформаций такая постановка проблемы социальной типологии и морфологии действительно актуальна. Что агенты модернизации, что противники в основной своей массе находятся внутри социума, а не приходят извне. Во-вторых, совершенно ясно, что в реальности социальная система всегда и намного сложнее, чем любое описание ее строения. В реальном обществе акторы существуют и действуют внутри сложной системы отношений, где присутствуют одновременно и вертикальные, и горизонтальные структуры, а также структуры нейтральные с точки зрения развития (дружеские, любовные отношения, семья в современном обществе). Но это не означает, что нельзя ставить вопрос о различиях между этими структурами и порождаемыми ими свойствами акторов, о долговременных последствиях этих различий для развития. В таком случае социологическое познание исторической динамики невозможно вообще.

IV

Однако не весь комплекс идей такого рода может быть принят безоговорочно. На наш взгляд, предлагаемое объяснение повторяющегося механизма утверждения (именно утверждения, а не наличия) в обществе холопской традиции является не совсем верным. Так, историк считает, что она всякий раз одерживала верх и маргинализовала, а чаще всего устраняла физически, вместе с носителями, традицию договорную в результате изменения идентичности российского общества с европейской на антиевропейскую (державную, патриотическую). «Все три раза, когда Россия отрекалась от европейской “супра”, противопоставляя себя то “латинству”, как в московитские времена, то революции, как при Николае, то капитализму, как при советской власти, она неизменно попадала в один и тот же исторический тупик, в “черную дыру”, выбраться из которой без гигантского катаклизма оказывалось невозможно» [Янов, 2003: 22].

Формализуя эти доводы при помощи понятий, используемых социологией, можно предположить, что циклы русской истории прямо связаны с периодами активизации практики негативной идентичности. Всякий раз, когда общество утрачивало европейскую идентичность, оно тут же прибегало к «контриденности», что автоматически означало очередную попытку негативной мобилизации [Гудков, 2004; Гудков, 2005]. По отношению к первому периоду Янов метко назвал эту переориентацию «поворотом на германы», буквально имея в виду поворот во внешней политике. Тогда царь Иван, вопреки желанию «Избранной рады», большинства боярской аристократии и самим национальным интересам страны, вместо войны с Крымским ханством начал войну с Западом, Ливонскую войну, имевшую катастрофические последствия для России. И так всякий раз, когда в обществе начинают преобладать антизападнические настроения, реанимируется холопская традиция.

Именно это мы считаем неверным, и причины победы холопской традиции связываем с доминирующими социальными отношениями. Поворот же «на германы»,

т.е. переориентация на антизападнический внешнеполитический курс, и правда, всякий раз обнаруживающаяся в этот момент, является *не причиной, а следствием* возобладания в обществе вертикальной, а не горизонтальной социальной структуры. Здесь опять становится актуальным исследование Л. Гудкова, который считает образ врага и имперство контрмодернизационной стратегией общества. Соединив его доводы с концепцией Янова, можно предположить, что воспроизводящиеся в вертикальных социальных структурах («царевых», «государственных», «бюджетных») акторы, не способные удовлетворять свои потребности и реализовывать себя в новых социальных условиях, переходят в наступление на альтернативную практику. Это реакция на идущий в обществе процесс модернизации. Именно поэтому каждый новый цикл деспотии начинается сразу за периодом либерализации – на смену прогрессивным реформам середины XVI в. пришла опричнина, «дней Александровых прекрасное начало» сменилось «николаевщиной», эпоха великих реформ и революций закончилась большевистской диктатурой и сталинизмом. То же произошло на рубеже XX–XXI вв. Историк прав: антизападная идентификация совпадает всякий раз с возобладанием холопской традиции над договорной. Но, думается, потому, что формирование образа Врага в лице Запада является для ее носителей и средством захвата власти и ее легитимации, и единственно возможным способом самореализации. Исход же схватки зависит от соотношения сил. Посмотрим на соотношение в обществе вертикальных и горизонтальных структур в начале каждого из трех периодов.

V

Однако перед этим озвучим еще одно возражение.

Помимо традиционных слоев – боярской аристократии, дворян и крестьян, для того чтобы искомая для модернизации социальная стратегия стала доминирующей, необходим другой класс – городская предбуржуазия, т.е. ремесленники и торговцы. Они и свободны, и будучи таковыми, могут вступать и вступают в договорные отношения. Наличие и даже господство договорных отношений внутри феодальных классов, даже если согласиться с тем, что и в России это имело место, – только потенциал. Но он может и не реализоваться, на что ясно указывает история европейской модернизации: она не обошлась без бюргеров и их активной, трансформирующей общество в современное состояние, функции. Не обошлась она и без их ожесточенной борьбы, буквально за выживание, с феодальным классом, который, даже будь он носителем трижды договорных отношений внутри себя, выступал в этой борьбе реакционной силой, и в отношении других социальных слоев, прежде всего самих бюргеров, стремился практиковать именно вертикальные отношения.

Это была титаническая борьба, длившаяся столетия. Началась она со вступления городских республик в войну за свободу и завершилась победой буржуазных революций. И еще не упомянуты промежуточные стадии – жесткие трансформации в области культуры и религии – Альбигойские войны как первая попытка революции городов, оформленная как ересь, Возрождение и гуманизм, Реформация с ее религиозными войнами и феодально-католической реакцией, борьба за влияние просветительских идей. Именно этот факт – ожесточенную борьбу не на жизнь, а на смерть в ходе модернизации Европы – такого рода концепция упускает, и модернизация предстает как органично вырастающее из старого новое.

Так каково же было состояние класса, который должен был подхватить и сделать доминирующей для всего общества договорную практику, – торгово-ремесленного населения в России в середине XVI в.?

Несмотря на то что Янов красноречиво говорит о его росте в «европейское столетие» (и это подтверждается другими исследованиями²), есть ли основания считать, что

²Историки-демографы обнаруживают существенную разницу между первой половиной XVI в. и второй. В первой они фиксируют прирост населения, экономический подъем, развитие торговли и

он стал настолько влиятелен, хотя бы количественно, чтобы превзойти и маргинализировать носителей практики холопской? Ясно, что ответ, который по своей точности мог бы удовлетворить запросы современной социологии, по отношению к столь отдаленному периоду получить не удастся. Придется иметь дело с оценочными суждениями историков. И в большинстве исследований в этот период хотя и отмечается рост, экономика все же оценивается как полностью аграрная, со слабо развитыми ремеслом и торговлей, с небольшим количеством малонаселенных городов. Так, сам Ключевский констатирует, что в XV–XVI вв. на Руси сравнительно немного городов, да и в тех значительная часть населения занималась хлебопашеством. Торговля и промышленность не делали значительных успехов, натуральное хозяйство продолжало господствовать. Он отмечает «необыкновенно медленный, зяблый рост городов и городской промышленности и в XVI – XVII вв.» [Ключевский, 1987б: 202, 227]. Эта оценка подтверждается и многочисленными советскими исследованиями, делавшими упор как раз на социально-экономические отношения.

Иначе говоря, социальный слой-носитель договорных отношений и «агент модернизации» был слаб и малочислен. И закономерно произошло то, что Янов называет «источком трагедии» – провал попытки секуляризации церковных земель, когда в ходе длительной борьбы иосифляне одержали верх над нестяжателями. В результате возникла цепь причинно-следственных связей, сделавшая неизбежной революцию Ивана Грозного: напуганные европейской реформацией и идеями нестяжателей иосифляне стали подталкивать царя к «повороту на германы», развращать идеей «першего царствования» и «третьего Рима». Это выглядит правдоподобно. Но дело в другом: нестяжатели потерпели поражение не случайно. А именно потому, что их идеи некому было поддержать и довести до реализации – отсутствовал достаточно многочисленный и сильный класс, подобный европейскому бюргерству, способный провести реформацию церкви.

Второй период и вторая катастрофа – «николаевщина» и ее предыстория – конец XVIII – первая половина XIX в. И опять, несмотря на начало вызревания капиталистического уклада (только начало!) в виде зачатков внутреннего рынка, мы имеем дело с аграрной экономикой. Прогресс был, однако на фоне темпов развития западных стран, где уже шел или начинался промышленный переворот, незначительный. В первой половине XIX в. российская промышленность не удовлетворяет потребности государства ни в одной из сфер, страна ввозит каменный уголь и сталь, ее и без того мизерная доля в мировом промышленном производстве снижается. В Англии за последнее столетие перед революцией XVII в. добыча угля увеличилась в 14 раз, достигнув 3 млн. тонн в год: она производила тогда 4/5 всего добывавшегося в Европе каменного угля. За этот же срок добыча железной руды возросла втрое, свинца, олова, меди – в 6–8 раз [Всемирная история, 1958: 21].

Если динамика социальных структур хоть как-то отражается в экономике, разница очевидна. Социально-демографическая структура в России не достигла уровня Британии накануне английской буржуазной революции даже в конце XIX в. В сельском хозяйстве России тогда (1897 г.) было занято 77,3% населения, торгово-промышленное население составляло 17,2% (Англия накануне революции XVII в. соответственно 74,5 и 25,5% [Всемирная история, 1958: 24]). В начале XIX в. в России по-прежнему преобладали вертикальные структуры, образованные помещиками-крепостниками и чиновниками. Из субъектов по-настоящему договорной практики имелись только единицы «капиталистских» крестьян, официальная же «предбуржуазия» состояла в замкнутом сословии купцов, была скована сословными ограничениями, демотивирована льготами. Жители городов также являли собой больше вертикали, чем горизонталы. Как и крепостные крестьяне, они были «стянуты» жесткими ограничениями, против которых никто особо не выступал³.

ремесла, во второй – упадок. Так, Урланис призывает «отличать первую половину столетия от второй» [Урланис, 2007: 132].

³ Так, еще указом от 8.02.1658 г. посадские люди прикреплялись к тяглу и к посадкам. За переход из посада в посад и даже за женитьбу вне посада грозила смертная казнь [Ключевский, 1988а: 152].

И опять, как и слабая попытка реформации за триста лет до этого, новая попытка изменения общественного строя – восстание декабристов – оказалась ярким, но никем не поддержанным выступлением.

В преддверии третьего «поворота на германы», на сей раз под знаменем марксизма, успехи социально-экономического развития в сторону капитализма, и как такового – системы договорных отношений, налицо. Вопрос же об уровне этого развития – дискуссионный. Даже придерживаясь ленинской оценки, согласно которой страна входила в «шестерку» ведущих держав по мощи индустриального сектора, преувеличивать результаты произошедших тогда изменений нельзя. По их совокупным последствиям индустриальной экономика страны, следовательно, само общество по основным параметрам, не стали. Экономика классифицируется как аграрно-индустриальная, историки фиксируют «наличие громадных остатков феодально-крепостнического уклада, а также государственное “казенное” хозяйство, которое ни в одной империалистической стране Западной Европы не имело такого значения...» [Тарновский, 1990: 81]. Завершив промышленный переворот, страна приобрела индустриальный сектор экономики, достаточно мощный для того, чтобы вести диалог с ведущими державами, но не приобрела структуры и ценностей индустриального общества. И произошло то, что должно было произойти при данных обстоятельствах – новый виток негативной мобилизации.

VI

Таким образом, можно возразить концепции Янова с позиции иронично критикуемого им самим «унылого детерминизма», «социологического» его варианта, а в нем – «социально-экономического». В обществе всегда имеется полный арсенал идей, традиций и практик – новых и старых, передовых и реакционных, «западнических» и «самобытных». Но эти идеи, традиции и практики воспроизводятся и поддерживаются в конкретных социальных структурах, и именно соотношение этих социальных структур решает, какая из них станет доминирующей, а какая – маргинальной. Конечно, есть место и случайному стечению обстоятельств, но если механизм срабатывает четвертый раз менее чем за пятьсот лет, говорить надо о строго детерминированной закономерности. И приходится констатировать, что за всю свою историю российское общество ни разу не сформировало такой экономической модели, а значит, и социальной структуры с ее ценностями, культурными образцами и психическими установками, которая бы а) была построена преимущественно на договорных горизонтальных, т.е. частнокапиталистических отношениях, б) была успешной, в) этот успех затронул более чем одно поколение россиян и стал, таким образом, долговременным и легитимированным в общественном сознании паттерном.

Иначе говоря, не произошло необратимой социальной трансформации, и в каждом периоде-цикле русской истории обнаруживается недостаточность горизонтального структурирования общества. Недостаточность именно для того, чтобы окончательно побороть и маргинализовать вертикальную властную социальную среду и ее продукт – патерналистскую традицию. Негативная идентичность, безусловно, оказывает немалое влияние на характер и направленность исторической динамики, но сама по себе она не способна повернуть вспять общество, устойчиво вставшее на путь капиталистического развития. Она не может этого сделать именно потому, что большая и значительная часть этого общества намертво связана с данным путем *не представлениями об истории и культуре, а реальными экономическими отношениями.*

Поэтому ответ на вопрос, «почему периодически швыряет Россию от движения к европейской модернизации к московитскому тупику и обратно» и «откуда этот гигантский исторический маятник, раскачивающий страну с XVI века» [Янов, 2007а: 95], необходимо искать не в сфере противоборства идей. Можно примирить сознание с западными ценностями – за свою историю россияне объявляли себя их приверженцами не раз, но жить в соответствии с этими ценностями – куда более сложная задача. Когда во второй

половине 1980-х гг. позднее советское общество пошло навстречу Европе, западные ценности почти не подвергались сомнению. Но как только общество столкнулось со всеми трудностями социально-экономических отношений, соответствующих этим ценностям, они вновь стали отвергаться, а вместе с ними и «западный» путь развития. И вскоре четко обозначился контрмодернизационный поворот, а вместе с ним и «поворот на германы».

В современных условиях в качестве холопской и договорной традиции/практики выступают соответственно сферы государственной и частной экономики, а также «бюджетные» и внебюджетные социальные слои. Их соотношение с начала 2000-х гг. складывалось явно не в пользу вторых. Предупреждения экспертов о том, что «увлечение административными методами управления» может оказаться тормозом экономического развития и что это «чревато социальными и политическими потрясениями», озвучивались неоднократно [Клинов, 2008: 76]. Но все более очевидным становился директивный курс развития экономики. «Налицо воспроизводство традиций советской экономики, поскольку значительная часть постсоветской государственной элиты имеет глубокие корни в госплановом прошлом, многие документы несут в себе ярко выраженный отпечаток директивной плановой системы» [Мау, 2008: 5]. В последующие годы государственное влияние на экономику нарастало, и на сегодняшний день, по результатам доклада Центра стратегических разработок, госсектор приближается к 50% экономики России⁴. По другим оценкам государство и госкомпания контролируют 60–70% российской экономики⁵. В социальной и политической сферах главными акторами остаются «бюджетники». Если добавить к ним служащих госкорпораций и госмонополий, останется весьма незначительная доля населения, практикующая в экономической сфере договорные отношения.

Заключение. В современной отечественной науке часто поднимается проблема госсектора экономики, его неэффективности, низкой конкурентоспособности, подверженности коррупции. И справедливо. Но актуализируется исключительно экономический аспект проблемы. Социологическая интерпретация обсуждаемой концепции позволяет взглянуть на феномен огосударствления экономики глубже – как на механизм воспроизводства вертикальной субъект-объектной властной социальной структуры.

Рынок и капитализм в данных рассуждениях самоцелью не являются. Они – генератор ценностей современного общества, кузница договорных отношений и этики индивидуальной ответственности. Их отложенный эффект – личность, способная нейтрализовать механизм порождения циклов и обеспечить модернизацию страны. Отложенный эффект патерналистской практики – система отрицательного отбора и ее продукт – личность, не вписывающаяся в комплекс социальных изменений в сторону формирования современного общества. Поэтому главное, чему учит концепция Янова: ключ к модернизации и преодолению циклического механизма – необратимая социальная трансформация.

Эта закономерность была отрефлексирована и в другом теоретическом конструкте – в понятии «средний класс» в значении, каким наполняют его современные экономисты и социологи и какое приписывали ему российские реформаторы 1990-х гг. – значении «стабилизатора» общества, гаранта современного развития. Будет ли он когда-нибудь сформирован настолько сильным и независимым, чтобы нейтрализовать патерналистскую традицию и вертикальную социальную структуру, вопрос непростой. Но наше мнение неутожительно. Если пагубное действие вертикальной структуры не было нейтрализовано ранее, в предыдущие циклы, почему это должно произойти теперь? Ведь не только современная мысль может похвастаться знанием о роли «среднего класса». В.О. Ключевский, исследуя XVII век русской истории, замечал: «торгово-промышленные люди являются единственным классом русского общества, в котором еще светился политический

⁴Эффективное управление государственной собственностью в 2018–2024 годах и до 2035 года. 2018. Аналитический доклад. Москва, Центр стратегических разработок. URL: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/02/Doklad_effektivnoe_upravlenie_gossobstvennostyu_Web.pdf. (дата обращения: 8.09.2019).

⁵Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2016 год. Федеральная антимонопольная служба. URL: <https://fas.gov.ru/documents/596439> (дата обращения: 8.09.2019).

смысл, пробивалось гражданское чувство, понимание общего блага» [Ключевский, 1988б: 103]. Более чем за столетие до него императрица Екатерина писала парижской знакомой m-me Жоффрен: «Еще раз, madame, обещаю вам третье сословие ввести; но как же трудно его будет создать!».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Всемирная история. В 10 т. Т. V / Под ред. Я.Я. Зутиса. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958.
- Гудков Л.Б. Структура и характер национальной идентичности в России // Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М.: Новое литературное обозрение; ВЦИОМ, 2004. С. 121–168.
- Гудков Л.Б. Феномен негативной мобилизации // Общественные науки и современность. 2005. № 6. С. 46–53.
- Клинов В. Мировая экономика: прогноз до 2050 г. // Вопросы экономики. 2008. № 5. С. 62–79.
- Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. Т. 1. Курс русской истории / Под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1987а.
- Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. Т. 2. Курс русской истории / Под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1987б.
- Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. Т. 3. Курс русской истории / Под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1988а.
- Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. Т. 4. Курс русской истории / Под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1988б.
- Мау В. Экономическая политика 2007 года: успехи и риски // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 4–25.
- Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50-х – начала 60-х годов. М.: Наука, 1990.
- Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе (опыт исчисления) // Урланис Б.Ц. Историческая демография: избранные труды. М.: Наука, 2007. С. 19–308.
- Янов А.Л. Россия и Европа. 1462–1921 // Неприкосновенный запас. 2007а. № 1(51). С. 84–106.
- Янов А.Л. Россия и Европа: в 3-х кн. Кн. 2. Загадка николаевской России. 1825–1855. М.: Новый хронограф, 2007б.
- Янов А.Л. Цивилизационная неустойчивость России // Неприкосновенный запас. 2003. № 3(29). С. 18–22.

Статья поступила: 05.02.19. Принята к публикации: 11.03.19.

«AGREEMENT-BASED» RUSSIA AND «SERF» RUSSIA: SOCIOLOGIZING A HISTORICAL CONCEPTION

TRUBITSYN D.V.

Transbaikalian State University, Russia

Dmitry V. TRUBITSYN, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Transbaikalian State University, Chita, Russia (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Abstract. Focusing on several aspects of the interdisciplinary problem, the paper presents an attempt to sociologically interpret Alexander Yanov's idea about two antagonistic traditions of Russian society: the agreement-based and the paternalistic (servile) ones. The author agrees that both tendencies coexist and, legitimizing two opposite social systems, inherently cause cyclic fluctuations between «the West» and «the East». Both traditions are generated by the ambivalent social status of large landowners (feudal lords and court nobility) who at the same time were treaty (between themselves) partners and overlords (towards dependent serfs in their patrimony). Essentially, these are two social practices, reproduced by two contradictory social structures. However, basing on the analysis of these structures at the beginning of each of four cycles, one can claim that the predominance of the paternalistic tradition was not connected with the loss of the European identity, as A. Yanov believes. It was rather caused by the prevalence of vertical subject-object relations of power over the horizontal subject-subject relations in the socio-economic area. Nevertheless, the conception can be effectively used when explaining factors that cause cycles of Russian history and modernization failure. The underdevelopment of the «Third Estate» and the modern entrepreneurship (the main actors of modernization process) and their small influence are presented as these factors.

Keywords: the agreement-based and the paternalistic tradition, social structures, modernization, historical cycles.

REFERENCES

- Gudkov L.B. (2005) The Phenomenon of Negative Mobilization. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 6: 46–53. (In Russ.)
- Gudkov L.B. (2004) The Structure and Character of National Identity in Russia. In: *Negative Identity: Articles 1997–2002*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; VTsIOM: 121–168. (In Russ.)
- Klinov V. (2008) World Economy: Forecast for the Year 2050. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics]. No. 5: 62–79. (In Russ.)
- Klyuchevsky V. (1987, 1988) The Course of the Russian History. In: *The Works*. In 9 vols. Vol. 1–4. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Mau V. (2008) Economic Policy in 2007: Success and Risks. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics]. No. 2: 4–25. (In Russ.)
- Tarnovskiy K.N. (1990) *Social-economic History of Russia. The Beginning of the XXth Century. The Soviet Historiography of the Mid-50s to the Early 60s*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Uralnis B.C. (2007) Population Growth in Europe. In: *Historical Demography. Selected Works*. Moscow: Nauka: 19–308. (In Russ.)
- Yanov A. (2003) Civilizational Instability of Russia. *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency Reserve]. No. 3(29): 18–22. (In Russ.)
- Yanov A. (2007) Russia and Europe. 1462–1921. *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency Reserve]. No. 1(51): 84–106. (In Russ.)
- Yanov A. (2007) The Riddle of Russia under Nikolay. In: *Russia and Europe*. In 3 vols. Vol. 2: 1825–1855. Moscow: Novyj Khronograf. (In Russ.)
- Zutis Y.Y. (ed.) (1958) *World History*. Vol. V. Moscow: Izdatel'stvo social'no-ekonomicheskoy literatury. (In Russ.)

Received: 05.02.19. Accepted: 11.03.19.